

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Москва, 2002. Юнион-С.З.

— Нигде, кроме России, реализма в искусстве не осталось. Нашу академию называют комиссионкой, а я считаю, у нас на Мясницкой музей. У нас сегодня победило коммунистическое, сатанинское искусство, которое почему-то называется "современным искусством". Объясню почему. Библия, Ветхий и Новый Заветы, утверждает, что человек создан Богом по образу и подобию своему. Значит, если я рисую нос на лбу, а ухо на заднице — я сатанист, издевающийся над образом божьим, над человеком. В этом суть авангарда. Этим занимаются сегодня "современные художники" во всем мире. Культура духовная осталась только в России, и больше нигде. А Москва и наше общество плюют на реализм, в то время как в Америке его ценят, нашим художникам заказывают портреты. У американцев ничего своего нет, это потомуки дикарей, которые платили шесть долларов за скальп. И такими дикарями будем мы скоро, когда Дума и правительство начнут продавать землю. На ней будут работать русские рабы. И вас туда припишут, если вы не успеете рвануть в Израиль. Так могу вам ответить.

Какое драчливое интервью, скажут, и это в 72 года, какой мерзкий старикашка! (Смеется.)

Хотите спросить, над чем я работаю? Сто замыслов у меня! Могу сказать, мой главный замысел — "Раскулачивание". Картина большая, метров 8 на 4, как "Разгром Храма". Второй замысел — "Сеча". Сумерки, летают стаи ворон, красное солнце садится, все залито кровью, полегли в три ряда русские, монголы. И вдруг один наш очнулся и встал во весь рост со щитом. Один в поле воин. Хочу проиллюстрировать цикл русских романсов: "Мой костер в тумане светит, искры гаснут на лету...". (Эти слова он спел.) И другие такие же прекрасные.

— Никто этого не делал!

— Меня это не интересует, если кто и сделает, то не так, как я. Хочу написать "Изгнание торгующих их Храма". Но главное для меня — "Раскулачивание". Картина задумал давно. Приехала группа карателей. Начался геноцид, уничтожение русского народа, в результате чего мы стали покупать хлеб у Канады и Америки. Вот эту драму народную хочу показать. Комбеды, комитеты бедноты. И те, которые работали, как бы сейчас их называли — фермеры, столыпинские такие могучие крестьяне из глубины веков. Они сохранили национальный костюм, вставали в шесть утра и пахали. С песней! В центре картины — убитый священник. Костер из икон. Сбрасывают колокола. С помощью друга купил плат, старинный платок, который будет тащить "беднячка". Это все не юбилейное...

Задание редакции — побеседовать с Ильей Глазуновым по случаю его дня рождения — я не выполнил. Не любит давать интервью. Включил диктофон и поинтересовавшись судьбой реализма в современном искусстве, я записал монолог, прерванный несколькими моими репликами.

Монолог Ильи Глазунова с репликами "МК"

Когда мне было семь лет, я с родителями до войны жил в деревне. Ночью вдруг проснулся от шума. Светила луна. Мы были бедные и снимали маленькую комнату в небольшой избе под Ленинградом. Вдруг слышу шепот моей матери отцу: "Не надо, чтобы Илюша это знал..." А суть была в том, что ночью пришли за хозяйкой. Первый раз она провинилась, когда собирала на поле колоски после уборки на поле. Это преступление ей простили. А накануне имела наглость в лесу накопить для своей коровы плетеную корзинку, как на картинах Венецианова, травы. Лес был государственный. За ней приехали на машине, пришел председатель колхоза, понятия. Дали семь лет. Тогда я испытал шок. Потом везде, где был на практике в деревнях, мне старики рассказывали, как сгоняли в колхозы, разрушали церкви, сжигали иконы, как латыши запирали крестьян на гумне, подпирали выход колыями и поджигали. И китайцы в этом замешаны под руководством наших комиссаров, конечно. Вот такие накопления в памяти и осознание того, что произошло с моим народом, побуждают меня писать "Раскулачивание".

Совсем коротко скажу. У Шалаяпина в мемуарах есть такой эпизод. Его собеседник, желая убедить в абсолютном нонсенсе доводов, воскликнул: "То, что ты говоришь, Федор, так же невероятно, как если бы Россия покупала хлеб". Россия полмира кормила! Невероятное случилось. Мы начали покупать хлеб у иностранцев.

Справедливо говорят про ужасы 37-го года. Большой террор. Об этом писали репрессированные ленинцы, интеллигенты, выйдя на свободу. Самое страшное — "раскулачивание", геноцид. Крестьяне не умели писать о себе, их просто, как скот, сгоняли с земли и убивали. Мой товарищ мне рассказывал, его деда выслали на Васюган. Взяли просто и увезли в Сибирь, высадили в тайге, живите как хотите. Половина вымерла. Шло уничтожение народа. Это меня интересует как бытие моего отечества, которое сегодня находится на краю гибели. Все люди России любой национальности скажут, как и я, что они не хотят жить в третьесортной стране, которую начали приравнять к Уганде. Мы были великой страной до революции, самой свободной. Самой великой. Мне писатель Олег Волков (его первое взяла на Арбате как дворянина), когда я спросил, каким одним словом можно охарактеризовать бытие старой России, подумал и ответил: "Приволье!" Сейчас можно сказать, что у нас приволье?

— Колхозы — плохо. К чему вернуться?

— К Столыпину! Я недавно сделал его парадный портрет. Никто не писал великого премьера России, есть не очень удачный этюд Репина, увя, Столыпин присел с газетой. Нужна ставка на сильное земледельца. Сейчас вот продают землю. Необходимо сделать банк для крестьян. Вы хотите купить — пожалуйста, купите и обрабатывайте. А деньги через пять лет вернете без процентов. Как иначе? Простите меня, на что бывший колхозник, крестьянин, не получающий даже пенсии, купит землю? Кто тогда ее будет покупать? Определенные товарищи, известные всем людям, на несправедливые деньги. Это будет скупка России. Как заселять землю, дома в городах, мне рассказывали. Приезжают из Средней Азии и Кавказа. Вам известно, что произошло в Москве и Московской области, какая картина на рынках. Я не против чеченцев и азербайджанцев. Но мы не можем с вами просто так поехать в Азербайджан и купить там землю или поселиться в ауле. Не дадут в лучшем случае, а то и убьют

100 ЗАМЫСЛОВ ОДНОГО ХУДОЖНИКА

в первую же ночь. Где равенство, где политика? Все происходит неправильно.

И неправильно, что не поддерживают самую великую форму и суть искусства. Врублев, его любят и левые, и правые, говорил: только реализм родит глубину и всесторонность. Не слышал, чтобы наши искусствоведы так говорили, и у "современных художников" не читал. Самое главное в искусстве — замысел. Замысел! Это откровение божие! А потом замысел воплощается в муках творчества на холсте, если мы говорим об истинном искусстве. Все мои большие картины начинались с замысла... "Мистерию" сначала нарисовал на спичечном коробке, и мне как художнику все стало ясно. А потом можно было писать на холсте. А вот так — идти медленно, охлаждаясь от эскиза к эскизу, — я бы не мог работать.

Замысел всегда рождает жизнь. И яркое осознание художником Добра и Зла. Это не просто. Вот мы видим сейчас: пять больших взрослых парней бьют маленького мальчика. Сразу возникает мысль — это Зло. Но потом мы спрашиваем: за что бьет? И — о ужас! — узнаем, что маленький мальчик облил бензином дом и хотел его поджечь. И тогда начинается работа мысли, что же есть Добро и Зло.

Все мои замыслы делятся на четыре потока. История России, которая меня волнует с детства. Второе — жизнь города, потому что мы в нем живем, одиночество человека. Третье — русская классическая литература. И — портрет. Особняком стоят большие картины, мистерии и композиции.

— Но это — пятый поток, нечто новое в минувшем веке...
— Я говорю о содержании, не даю картинам характеристики, кому-то они нравятся, кому-то нет. Но там — все, что в жизни. Вот говорят, писатель-деревенщик. Чуть! Лучше всех о русской деревне написал дворянин Бунин. Да, есть в искусстве баталисты, пейзажисты, портретисты, но это все очень условно, и, с моей точки зрения, предполагает второй класс художников. Серов, Суриков, Репин, Леонардо, Микеланджело... Они писали все. И картины, и пейзажи, и портреты. И лепили, и рисовали. Сегодня врачи лечат по частям, кто сердце, кто легкие, кто почки. Раньше доктор лечил все организмы. Иногда это приводит вот к чему — не для записи расскажу очень старый анекдот. Грузин приходит в больницу и читает в коридоре: "Терапевт" — нет! "Хирург" — нет! "Окулист" — да! "Глазник" — "Доктор, слушай, писать когда начинаю, глаза на лоб лезут..."

ства и гражданского служения. Если этого нет — значит, нет творческой личности. Если есть только гражданское служение — значит, речь идет о чиновнике. А если художник только мажет и мажет и с большой палитрой сидит, не реагирует на мир, это не художник. Пушкин издавал журнал, Достоевский издавал журнал. Они принимали участие в жизни. Сейчас нас учат не принимать участия в жизни!

— Художник больше чем художник!
— Конечно! Художник каждого народа — выразитель, жрец национального сознания и пламени духовности, которая есть традиция. А школа — это крыльцо, школа сейчас кончилась. Ее обрубали. Она сохранена в нашей академии, которую я создал. Ей исполнилось ровно пятьдесят лет, о чем никто не написал. Она каждый год выпускает мастеров. В ней учатся бесплатно по таланту люди всех национальностей, которые выходят в мир. А вот как их мир встречает — другое дело. Сейчас нет ни Третьякова, ни Рябушинского, ни Мамонтова. Кто-то имеет заказчиков в Америке, кто-то рванул заказов, как я сейчас.

Время характеризуется правителями, которые выбирают себе того или иного художника. Микеланджело, Рафаэль, Леонардо были выбраны Папой Сикстом и Лоренцо Медичи. Наши государи в XVIII веке выбирали Левицкого и Боровиковского, Рокотова. Николай II очень любил Серова, Репина. Никто не помнит, что сделал Папа Сикст, но все знают, что он пригласил Микеланджело расписывать Сикстинскую капеллу. Безошибочно можно сказать: по художникам нашего времени будут судить об уровне духовном и политическом тех, кто их выбирал.

— Но вы и без заказов правителей писали...
— Я обязан не вождям, а писателю Андиферову, он тоже на Соловках сидел, консультанту музея Достоевского в Москве. Он посоветовал директору купить три моих студенческих работы. Обязан моему благодетелю Сергею Владимировичу Михалкову, он меня прописал в Москве, помог получить квартиру, много раз выручал.

Когда я учился, господствовал социалистический реализм. Я чувствовал, что не художник, все, что писали вокруг, было от меня очень далеко. Зачем мне все это? Тягостное настроение продолжалось, пока случайно не прочел совет Крамского молодому Репину: закройте в мастерской и напишите одну работу, которая бы вас обрадовала. Заперся в комнате коммунальной квартиры тети и написал "Любовь". Я тогда встретился с моей женой. Так пошел цикл — город. Сразу успокоился. Перестал болеть. Дальше — больше. Съездил в Кизи, диво дивное! Написал пейзаж — Кизи. Вдруг вспомнил, с колокольни прыгал русский Икар и разбился, потому что летают только ангелы. Меня окружал самый красивый загадочный город Петербург, город Достоевского и Блока. В Москву на первую выставку привез восемьдесят работ. Их делал дома, выражая себя и свою жизнь, свои устремления. О выставке сказали, что это удар в спину социалистическому реализму. За что не принимали в Союз художников СССР много лет. Однажды спросил у знакомого, почему ко мне такая неприязнь. Он мне ответил откровенно: "Я тебе скажу, Илюша, мы все за заказом стоим с протянутой рукой, а ты грузчиком работаешь, архангелов пишешь, святого Сергея".

Показать пропуск грузчика?
Мне предлагал Юра Фишкин — его все художники знали, он возглавлял комбинат графического искусства — три тысячи рублей за одну акварель. А я в 16 лет получил Гран-при за акварель, когда был еще учеником Центральной художественной школы. Он заказал акварель "Михаил Иванович Калинин идет с детьми ловить рыбу". Отказался!

Художник должен жертвовать всем ради своих идеалов. Если начинает работать и думает, сколько заработает, если из своего божьего дара начинает делать деньги — он обречен на бесплодие. Христос сказал: будьте как птицы небесные.

Два года назад директор Манежа перед выставкой сказал мне: "Могу с вами поспорить — времена изменились, к вам придет десять тысяч максимум". Горжусь, что в первый день сломали дверь. На последней выставке было сто новых работ. Ни одна из них не заказана государством. Все известные картины советских художников сделаны по заказу. Какая должна быть злость у "современных художников", когда к этому Глазунову пришло в Москве миллион, а в Петербурге шестьсот тысяч. В годы разрухи! Значит, я не продавался, выражал себя, выражал вас. Пушкин сказал лучше всех: "Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать". У нас продается вдохновенье, это воспитали коммунисты, это делают демократы, проамериканские любители народа, которому не платят зарплату, морят голодом и холодом. Художники "современного искусства" продают вдохновенье. Но их выставки безлюдны. Высшая справедливость в том, что, когда не посещают художника, это свидетельствует, что он не нужен. Если любят многие — значит, он хороший. Если любят все — значит, гений. Таким был Пушкин для русских, для англичан это Шекспир, для итальянцев Данте. Только такой художник становится интернациональным, явлением для всего мира. Не существует интернациональное искусство — всякое искусство национально.

Демократическая печать поддерживает только тех, кто работает на разрушение искусства. Если бы узнали, что в академии на Мясницкой выявили 15 девочек-лесбиянок на первом курсе, трех преподавателей, во втором, что там случился погром — два русских избивали еврея, то прибежала бы вся пресса, СМИ, как теперь говорят. Когда рядом два брата, сидят в одной мастерской мусульманин, два еврея, замечательно талантливых, пять замечательно талантливых русских, один студент с Украины, я радуюсь, потому что во всем этом вижу монархическое начало. Царь говорил: это все мои подданные, не смейте обижать никого.

Сейчас, как только появятся деньги за портреты, тотчас покупаю холст и подрамник. И начинаю сто новых работ. Но для этого должен закончить книгу "Россия распята", она меня изматывает, написал четыре тома, конца-края не видно... Картины — это радость и счастье, когда берешь кисти и пишешь как хочешь.

— Зачем тогда столько усилий с книгами?
— Потому что это выражение идеологии, написанное пером, не вырубшь топором. А живопись можно толковать по-разному. В моем архиве есть детские письма, студенческие дневники. Я помню все. Помню выражение ваших глаз двадцать лет назад. Но не помню телефонов Вани и Веры. Каждая моя выставка вызывала скандальный интерес. Почему? Потому что я лишал людей одиночества, заржал их энергией борьбы и говорил о великой России. Заканчиваю. Несмотря на близящееся столетие, могу сказать, глядя всем в глаза, что мне ни за что не стыдно, я не отказываюсь ни от одного поступка, ни от одного слова, устного, печатного, интимного, общественного. Я всегда хотел помогать людям и хотел выразить себя как художника. Но не продавался и не продаюсь.

Включал микрофон и подавал реплики ЛЕВ КОЛОДНЫЙ.

Замысел состоит из двух начал — тайны творче-